

УДК 82.091

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-70-84>

Оригинальная научная статья

Исторический нарратив в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг.: присоединение к России как миф основания

А. В. Исаков¹ ✉, А. П. Модорова²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

²Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова,

г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

✉ alexandr_isakov98@vk.com

Аннотация

В статье рассматривается влияние государственной политики памяти на изображение национального прошлого в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг. На материале алтайской, бурятской, хакасской и якутской литератур показано, что репрезентация национальной истории в произведениях советского периода была тесно связана с концепцией «дружбы народов», согласно которой народы Сибири изначально вступили в дружбу с русскими и добровольно вошли в состав Российского государства, что имело исключительно положительные последствия для их исторической судьбы. В художественных текстах конструировался исторический нарратив, соотносящийся с государственной риторикой и научными трудами того периода. Центральное место в этом нарративе занимает присоединение к России – поворотный момент национальной истории, который можно назвать мифом основания. Дороссийское прошлое изображалось как темное и безрадостное время. Присоединение к России показано как обретение добрых и самоотверженных друзей в лице русского народа и Российского государства, которые берут коренные народы под свое покровительство и открывают им дорогу к лучшему будущему. Время после присоединения к России представляется как период перманентного улучшения жизни. Важно, что в данном историческом нарративе присутствует иерархический взгляд на отношения между государством и его народами, которым отводятся неравные роли в историческом процессе. Россия мыслится средоточием цивилизации и прогресса, а русский народ предстает главным носителем всех ее достижений. В то же время народы Сибири изображаются как изначально находящиеся за пределами цивилизованного пространства, и единственно возможным способом приобщиться к мировой цивилизации и прогрессу для них оказывается заключение союза с русскими на правах «младших братьев». Такая перспектива изображения прошлого нерусских народов поддерживала идею их неразрывной связи с государством, за пределами которого для них не могло мыслиться никакого счастливого будущего и национального развития.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, миф основания, советский исторический нарратив, советская многонациональная литература, литература народов Сибири, алтайская литература, бурятская литература, хакасская литература, якутская литература

© Исаков А. В., Модорова А. П., 2025

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект № 121031000259 «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона»).

Для цитирования: Исаков А. В., Модорова А. П. Исторический нарратив в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг.: присоединение к России как миф основания. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 70–84. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-70-84

Original article

Historical narrative in the literature of the peoples of Siberia in 1940–1980s: the annexation to Russia as a foundation myth

Alexander V. Isakov¹ ✉, Ai-Tana P. Modorova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russian Federation

² S. S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, Gorno-Altaysk, Russian Federation
✉ alexandr_isakov98@vk.com

Abstract

The article examines the influence of state memory policy on the depiction of the national past in the literature of the peoples of Siberia during the period 1940–1980. Based on the materials of Altai, Buryat, Khakass, and Yakut literatures, it demonstrates that the representation of national history in Soviet-era works was closely intertwined with the concept of “friendship of peoples”. According to this concept, the peoples of Siberia initially entered into friendship with the Russians from the outset and voluntarily acceded to the Russian state, resulting in exclusively positive outcomes for their historical destinies. Literary texts constructed a historical narrative that aligned with state rhetoric and scholarly works of that period. Central to this narrative is the accession to Russia, presented as a pivotal moment in national history and functioning as a founding myth. The pre-Russian past was portrayed as a time of darkness and privation. The accession to Russia is depicted as the acquisition of kind and selfless friends in the form of the Russian people and the Russian state, who assume guardianship over the indigenous peoples and pave the way for a more prosperous future. The post-accession era is presented as a period of continuous improvement. Significantly, this historical narrative exhibits a hierarchical view of the relationship between the state and its constituent peoples, assigning them unequal roles in the historical process. Russia is conceived as the center of civilization and progress, with the Russian people cast as the primary agents of its achievements. Simultaneously, the peoples of Siberia are depicted as initially situated outside the bounds of civilized society, with alliance with Russians on terms of “younger brothers” presented as the sole means of acceding to world civilization and progress. This perspective on the past of non-Russian peoples reinforced the notion of their inextricable bond with the state, outside of which no felicitous future or national development was conceivable.

Keywords: historical memory, politics of memory, foundation myth, Soviet historical narrative, Soviet multinational literature, literature of the peoples of Siberia, Altai literature, Buryat literature, Khakass literature, Yakut literature

Funding. The work was carried out within the framework of the state assignment (the project “Ethnocultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region, No. 121031000259”).

For citation: Isakov A. V., Modorova Ai-T. P. Historical narrative in the literature of the peoples of Siberia in 1940–1980s: the annexation to Russia as a foundation myth. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 70–84. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-70-84

Введение

Влияние государственной политики на развитие литератур народов России советского периода остается актуальным предметом исследования. В частности, представляет интерес роль политики памяти (или исторической политики) в формировании образов национального прошлого, воплощенных в художественной литературе. В предыдущей статье мы показали, как одна из тенденций советской политики памяти, связанная с утверждением идеи «дружбы народов» в освещении отношений между народами Сибири и Российским государством, повлияла на формирование целого тематического направления в национальных литературах региона [1]. В рамках этого направления создавались разнообразные произведения, посвященные добровольному вхождению сибирских народов в состав России, зарождению дружбы между коренными народами и русскими и позитивному последствию этого события для их исторических судеб.

Сопоставление художественных текстов с высказываниями высокопоставленных спикеров и работами ученых-историков того времени не оставляет никаких сомнений в том, что формирование литературы о «дружбе народов» стало одним из проявлений политики памяти советского государства, стремившегося утвердить идею о давних исторических связях всех народов страны с Россией и русскими и об исключительно положительной роли этих связей в их исторической судьбе. Как было сказано в программном выступлении председателя ЦК Азербайджана М. Д. Багирова в 1953 г., ознаменовавшем завершение широких дискуссий об истории межнациональных отношений в России [2, 3], представители советской власти «обязаны неустанно воспитывать наших людей, нашу молодежь в духе уважения и любви к нашему старшему брату – великому русскому народу», не умаляя «тех колоссальных положительных последствий, к которым привело присоединение нерусских народов к России» [4, с. 66]. Эта мысль в качестве аксиомы закрепляется в исторической науке на рубеже 1940–1950-х гг. [2, 3, 5] и одновременно становится руководством к действию для всех писателей, создающих произведения о прошлом своих народов.

Развивая затронутую в предыдущей статье тему, мы хотели бы теперь подробнее рассмотреть специфику представлений о национальном прошлом в произведениях алтайской, бурятской, хакасской и якутской литератур, созданных в 1940–1980-е гг., параллельно с утверждением и развитием идеи «дружбы народов» в советской политике памяти. Предметом нашего исследования на этот раз станет исторический нарратив, то есть обобщенный «сюжет» национальной истории, конструировавшийся в творчестве писателей – представителей коренных народов Сибири.

Как уже было отмечено в нашей первой статье, центральное место в новой концепции истории сибирских народов заняла идея их добровольного вхождения в состав России. «Добровольному вхождению» разных народов, в качестве которого могли признаваться в действительности разные по своему характеру исторические события, посвящен целый ряд научных трудов, вышедших начиная с 1940-х гг. [3]. С этого же времени в национальных республиках и автономных областях Советского Союза стали проводиться массовые празднества, посвященные годовщинам «добровольного вхождения» местных народов, в ходе которых популяризировались представления об исключительно благотворном влиянии России и русских на историческую судьбу других народов СССР [3, 5]. Таким образом, «добровольное вхождение» заняло в национальных исторических нарративах нерусских народов СССР такое же знаковое место, как Октябрьская революция в общесоюзном историческом нарративе. Думается, что, как и в случае с исторической памятью о революции [6], «добровольное вхождение» можно назвать мифом основания советских наций, то есть событием, которое выступает

осевым моментом исторического нарратива и делит всю историю на «до» и «после», знаменуя начало новой эпохи, лучшей, чем та, что осталась по ту сторону переломного события [7].

Исходя из этого, далее мы сосредоточимся на рассмотрении трех составляющих исторического нарратива в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг. – истории народов Сибири в дороссийскую эпоху, процесса присоединения к России и исторической судьбе данных народов после вхождения в состав Российского государства, чтобы выявить специфику видения национального прошлого в свете установок советской политики памяти.

Обзор и краткое содержание произведений, составивших основную часть материала нашего исследования, можно найти в предыдущей статье [1], поэтому здесь мы не станем останавливаться на этом и сразу перейдем к анализу.

Темное дороссийское прошлое

Как известно, СССР представлял собой модерновое государство, в основе идеологии которого лежат идеи прогресса, эволюционизма, универсальности развития человека и общества. «Народы в этой парадигме рассматривались как элементы единого движения человечества от одной стадии (формации) к другой, более прогрессивной. В этой связи советское государство было готово рьяно выполнять свою культуртрегерскую роль, двигая народы по пути прогресса, конечным пунктом которого станет коммунизм» [5, с. 227]. В советском представлении о прошлом коренных народов, подчиненном логике модернового нарратива, четко выделяются образы темного, погруженного в хаос дороссийского прошлого и светлого динамичного времени после вхождения в состав Российского государства. Образ смутного, беспорядочного, нестабильного прошлого коренных народов важен для создания образа империи-спасительницы, дарующей мир, порядок и процветание коренным народам. Д. Спурр такую риторическую стратегию, с помощью которой западные империи создавали образ незападных народов, называет риторикой отрицания (negation): описывая со знаком минус историю народов, культуру, язык, пространства, империя утверждает законность и справедливость своего колониального правления [8].

В литературных текстах, особенно поэтических, мы можем встретить картины дороссийского прошлого народов Сибири, которое рисуется мрачными красками: акцентируются нищета, униженность, тоска, беспросветность их жизни до момента встречи с русскими. Хотя Намсараев в поэме «Сказание о великой дружбе» (*Агууехэ хани барисаан тухай домог*, 1955) так обозначает состояние бурятского народа накануне присоединения к России:

Слушай, как было три века назад, –
Скорбные песни в стране звучали.
Слушай, что было три века назад, –
Слышался в юртах шепот печали [9, с. 5].

Столь же печальной и беспросветной показывает Моисей Баинов в поэме «Думы о степи» (*Чазыдаңар сагыстар*, 1962) дороссийскую жизнь хакасов:

Вразвалку,
Кряжистый и дюжий,
Топор за поясом,
Ходил
По той земле хакас и в стужу
И в зной.
И неустанен был.
Что знал о счастье он, о мире! [10, с. 20].

Созвучные этим строки обнаруживаем в стихотворении Аржана Адарова «Великое кочевье» (*Улу көчүш, 1966*) о прошлой судьбе алтайцев:

От молчаливых аилов, где ветер
Полон отчаянья и тоски,
Шли от слепого застывшего страха,
От колдовства безымянных веков.
Степи бескрайние – вот наша плаха,
Небо пустое – единственный кров [11, с. 7–8].

Даже образы родной природы здесь порою наполняются негативным содержанием, как бы подчеркивая изначальную безрадостность жизни в этих краях. В поэме Х. Намсараева описание прежней жизни сопровождается картинами суровой зимы:

Стужа морозная, черный буран
Свет застилали, по-волчьи воя [9, с. 5].

В «Думах о степи» М. Баинова хакасская степь изображена голодным краем, где ни человек, ни его скот не могут найти достаточно пропитания:

Коня туда он не направит, –
Солончака нарядный вид:
Не ягодою –
Солью ржавой,
Лишь взглянешь, на зубах скрипит [10, с. 21].

Важной составляющей литературного образа темного прошлого народов Сибири был мотив перманентной политической нестабильности, в которой они пребывали до вхождения в состав Российского государства. Эта нестабильность проявляется в классовом противостоянии, междоусобицах, конфликтах с соседними государствами.

Угнетенное положение простых людей, «трудового народа», находящегося в неограниченной власти местной знати, служит одним из лейтмотивов текстов о дороссийском прошлом:

Степь оглушали хан и ноен
Саблей звенящей, стрелой свистящей.
Страхом гонимый, бурятский люд
Стадом оленьим скрывался в чаще [9, с. 5].
Ох, до чего же бедствуют здесь люди.
И что ни род – то свой, конечно, князь,
И каждый по семь шкур с людей сдирает... [12, с. 131].

Противостояние между представителями низших слоев общества и знатью часто оказывается одним из ключевых конфликтов произведения. Так, в пьесе алтайского автора Павла Кучияка «Канза-Бий» (*Канза-Бий, 1943*) главный герой – народный богатырь Канза – противостоит алтайским «феодалам», угнетающим свой народ; в пьесе Намжила Балдано «Побратимы» (*Анда нүхэд, 1958*) бурятские охотники отчаянно сопротивляются власти нойона Борбона; в пьесе якутского писателя Ивана Гоголева «Серебряное стремя» (*Үрүн көмүс ингэнэ, 1974*) подданные Нюсэра Дархана стремятся уйти из-под его деспотичной власти; в романе Балдана Санжина и Бидии Дандарона «Путь праведный» (*Заяанай зам, 1969*) один из центральных антагонистов – зайсан Окин, претендующий на власть над всеми бурятами, а в романе алтайского прозаика Ивана Шодоева «Трудные годы» (*Кызылаланду жылдар, 1967*) – зайсан Омбо и правители Джунгарского ханства, изображенные алчными и деспотичными людьми, которым нет дела до судьбы алтайского народа.

Ту же роль играет мотив междоусобных конфликтов, участниками которых обычно и являются отрицательные персонажи – представители знати, а их невинными жертвами оказываются простые люди. Борьба за власть между представителями местной элиты показана в романах «Путь праведный» (табангутский зайсан Окин противостоит предводителю хори-бурят Бадану Туракину) и «Трудные годы» (конфликты наследников джунгарского престола), в «Серебряном стремени» И. Гоголева (Нюсэр Дархан соперничает с Сынагы-баем) и пьесе хакасского писателя Михаила Кильчичакова «Ожившие камни» (*Tirilgen tастар*, 1980) (князь Хартыга против князя Ирната).

Наряду с междоусобицами хаос дороссийского прошлого изображается через сюжеты о противостоянии внешним врагам, справиться с которыми без помощи со стороны коренные народы оказываются не в силах. В алтайской литературе это сюжет о борьбе с ойратскими ханами, маньчжурами, китайцами и казахами, в бурятской – с маньчжурами и примкнувшими к ним монголами, в хакасской – столкновения с джунгарами.

«Общим местом» рассматриваемых произведений можно назвать мысль о том, что местные политические элиты не способны установить порядок и своими неадекватными действиями только поддерживают хаос, ведут свои народы к уничтожению: «Каждый правитель на своем пути пролил море крови, оставил за собой гору костей, принес народу мучительную смерть, тяжкую жизнь...» [13, с. 57]. Изображение политической нестабильности и неорганизованности коренных народов, вероятно, должно было свидетельствовать о неспособности этих народов управлять собой, а значит – о потребности их в более правильном, прогрессивном, организованном управлении, которое могло обеспечить только цивилизованное государство. Так обосновывается необходимость вхождения коренных народов Сибири в состав России, описание которого также состоит из ряда типичных мотивов, которые мы и рассмотрим далее.

Добровольное вхождение

С точки зрения конструирования исторической памяти примечательно, что в литературных произведениях об эпохе присоединения Сибири к России почти не раскрываются причины экспансии Российского государства на эту территорию. В некоторых произведениях 1950–1960-х гг., созданных в то время, когда в национальных республиках и автономных областях впервые широко отпраздновали юбилеи добровольного вхождения местных народов в состав России, рассказывается, как коренные народы сами позвали русских на свои земли. Например, в упомянутой выше поэме Х. Намсараева бурятский мудрец рассказывает сородичам о прекрасной богатой России, где живут великие люди-богатыри, которых буряты решают призвать к себе:

Там небеса в облаках лучезарных,
Тучны колосья в полях благодарных.
Там обитает великий народ,
Тысячелетней славой цветет.

<...>

Баторы эти народ бурят
Благами жизни сполна одарят,
Землю бурятскую дивно устроят,
Землю бурятскую славой покроют [9, с. 6].

В пьесе Н. Балдано «Побратимы» буряты отправляются к Петру I и просят его отправить казаков, чтобы они помогли им одолеть богача Бурбона. В «Думах о степи» М. Баинова тоже говорится, что хакасы сами поехали к русскому царю просить у него защиты и покровительства. Эти литературные сюжеты не имеют

под собой исторических оснований, а их появление объясняется исключительно идеологическим контекстом – писатели здесь предельно буквально иллюстрировали выдвинутый государственной политикой памяти тезис о добровольном вхождении сибирских народов в состав России.

В других произведениях приход русских не зависит от воли коренных народов, при этом персонажи-казаки оказываются движимы исключительно дружескими и даже альтруистическими побуждениями по отношению к народам Сибири. В пьесе И. Гоголева казак Мартын, после кораблекрушения оказавшийся среди якутов, говорит им:

Мы люди – понял? – русские мы люди,
И к вам пришли не за богатством вашим, –
У нас всего и своего в достатке,
А чтобы с вами в дружество войти [14, с. 17].

Схожую речь произносит предводитель русского отряда в бурятской пьесе «Побратимы»:

Мы совершили свой визит далекий
Не ради черных помыслов, корысти,
Не ради отдыха на лоне мест чудесных,
А утверждая дружбу и единство
Народов двух и двух земель отныне.
Вам привезли мы благопожеланье
Народа русского. У нас одно стремленье:
Вас оградить от гибельных набегов,
От бремени поборов непосильных.

Мы правое творить желаем дело,
Сердца открыты лишь добрососедству [15, с. 104].

Начиная с 1940-х гг., в литературе народов Южной Сибири неоднократно возникает мотив военной помощи русских в противостоянии с внешними врагами. Так, в пьесе Н. Балдано «Бабжа-Барас-батор» (*Бабжа-Барас баатар*, 1943) русские казаки помогают бурятскому войску отразить нападение маньчжуров. В романе Б. Санжина и Б. Дандарона «Путь праведный» буряты также ждут помощи от казачьего острога в борьбе с маньчжурскими и монгольскими разбойниками. В поэме М. Баинова и пьесе М. Кильчичакова казаки защищают хакасов от джунгарского завоевания. В романе И. Шодоева «Трудные годы» алтайцы ищут под властью России спасение от маньчжурских и казахских властителей, покушавшихся на их земли. Идея о том, что российская военная помощь была одним из главных факторов зарождения «дружбы народов» стала «общим местом» советской историографии с середины XX века [3, с. 306–330], что отразилось и в литературных произведениях.

Положительный образ казака, встречающийся во многих произведениях национальных литератур Сибири советского периода, тоже складывается в это время под влиянием новых тенденций в историографии: в работах советских историков резко меняется оценка роли казачьих походов и острогов в отношениях с коренными народами, и из проводников завоевательной политики царизма они превращаются в послов «дружбы народов», устанавливавших добрососедские отношения с народами Сибири и защищавших их от внешних угроз [3].

Идея дружественных отношений между русскими и коренными народами Сибири иногда также находит выражение в дружбе двух главных героев – представителей двух народов. Так, в пьесе «Побратимы» глава бурятских охотников Булган-Табита дружит с предводителем русских Дубовым, а молодой казак Демьян становится женихом его дочери Номин. В романе «Путь праведный» предводитель хори-бурят Бадан Туракин дружит с Василием Булавиным, казаком

из Удинского острога. В «Серебряном стремени» И. Гоголева бедняк, раб Нюсэра Дархана Мохсогол дружит с казаком Мартыном, а в пьесе «Ожившие камни» М. Кильчичакова хакас Арчол и русский казак Ивашка дают клятву быть друг другу названными братьями.

Вхождение сибирских народов в состав России, таким образом, представляется как результат их встречи с дружелюбным и самоотверженным русским народом, союз с которым мыслится как нечто самоочевидное.

Среди персонажей литературных произведений о присоединении к России встречаются и противники такого исторического выбора, однако все они относятся к числу отрицательных героев – представителей «эксплуататорского» класса, социальное положение которых, в соответствии с традициями соцреалистической литературы, однозначно маркирует их как антагонистов, чьему мнению не следует доверять. В обоснование своей позиции они высказывают аргументы, которые в советском дискурсе были маркерами «буржуазного национализма»: значительное различие между культурами коренных народов и русских, потеря политической самостоятельности, угроза ассимиляции. И если положительные герои выступают поборниками дружбы между народами, антагонисты ратуют за национальное разобщение. Например, в пьесе И. Гоголева богач Сынагы-бай говорит:

Но все ж, Нюсэр Дархан, не лучше ль будет,
Коль мы одни, без пришлых и незваных,
В своем аласе проживем свой век? [14, с. 74].

Представителям знати писатели приписывают стремление вселить в свой народ страх перед русскими пришельцами и побудить к борьбе с ними. Так, например, сообщает о прибытии русских бурятский богач Борбон в пьесе «Побратимы»:

Худая весть пришла в мои края:
Отряды русских жгут огнем улусы.
Мечом и плетью взять они грозятся
Родную землю. Горе, горе нам!
Я призываю вас объединиться
И полонить проклятого врага [15, с. 90].

В романе «Путь праведный» главный противник России – зайсан Окин, союзник монгольского правителя Туше-гуна. Он так мотивирует необходимость бороться с русскими: «У них другая вера, другие боги. И язык чужой, и обычаи. То, что у нас считается добродетелью, – у них – смертный грех. А то, что противно нашим богам, у них святое дело... Они притесняют бурят, отбирают пастбища, угоняют наш скот. А что мы делаем в ответ? Защищаем свои очаги, своих жен и детей? Нет! Некоторые недалекие нойоны ищут у русских правды! Дают им шерсть! Платят ясак!» [16, с. 62].

Наряду с этим авторы указывают на «классовую» природу подобных опасений: отрицательные персонажи переживают, что с приходом российской власти они потеряют возможность эксплуатировать свой народ. Так, в «Серебряном стремени» Нюсэр Дархан обвиняет русских в том, что они претендуют на принадлежащие ему ресурсы:

Так, значит, вы затем в наш край собрались,
Чтоб на богатства наши поглядеть,
А может быть – и поживиться ими?
Медведь, задравший кобылицу, знает,
Что горностаи уж тут, как тут – и глазки
У горностаи алчностью горят...
Но знай, что никому свою добычу
Медведь не уступает никогда [14, с. 16].

Нередко в произведениях, повествующих об эпохе присоединения к России, акцентируется церемониальный момент, знаменующий вхождение народа в состав Российского государства или заключение союза с русскими. В пьесе М. Кильчичакова «Ожившие камни» таким знаковым моментом становится зачитывание письма хакасского князя Ирната от имени «всех улусов русскому царю» [12, с. 207] с просьбой о принятии хакасов в российское подданство. Начало «дружбы народов» может быть провозглашено в торжественной речи центрального персонажа. Например, в пьесе «Бабжа-Барас-батор» главный герой после того, как буряты и русские совместно одержали победу над маньчжурами, говорит: «Теперь мы уже не одни, как прежде. Народ мой, мы стали братьями с воинами российского царя!» [17, с. 63–64]. В романе «Трудные годы» начало новой эпохи в истории алтайского народа провозглашает главный герой Карчага, ставший одним из лидеров алтайцев во время войн с соседними государствами: «Братья, уцелевшие алтайцы! Белый царь оказал величайшую милость нам, алтайскому народу. Милость Белого царя состоит в том, что он принял нас в число своих подданных. Он приказал своим биям не страшить, не гнать в степи алтайский народ, добровольно вошедший в подданство Белого царя, – сообщил Карчага собравшимся людям и взгляделся в их лица. Лица людей просветлели. Он продолжил говорить: – Теперь мы подданные русского Белого царя. Не будем забывать о том, что эти русские люди приняли нас в свою страну, спасли нас от истребления и гибели. Не будем же чинить им никакого вреда...» [13, с. 164]. Подобная торжественная речь может быть произнесена и русским персонажем: например, в заключительном эпизоде романа «Путь праведный» российский посол Савва Рагузинский, завершив установление российско-китайской границы, воздает хвалу бурятам и их выбору в пользу союза с Россией: «Буряты избрали себе единственно правильный путь – плечом к плечу с русскими, локоть к локтю. Как подлинные друзья-соратники» [16, с. 272].

В некоторых произведениях герои устраивают в честь прибытия русских праздник. Так происходит, например, в пьесе «Побратимы», когда отряд русских казаков прибывает к бурятам. В пьесе И. Гоголева, когда якуты узнают о приближении чужеземцев на ладьях, они гадают, к добру или к худу будет это событие. Гадание показывает, что приход русских принесет якутам удачу. Тогда кузнец Бегюл Беге выковал серебряное стремя – символ счастья и дружбы, с которым в конце пьесы якуты встречают русских казаков. Старуха Эркээни произносит в заключение торжественный монолог:

Старуха я, но зорко вдаль смотрю,
И вижу я сквозь годы непогоды
Над ширью Лены новую зарю,
Зарю свободы моего народа,
И даст ростки великой дружбы семя!
Храните же серебряное стремя [14, с. 86].

Эти церемониальные сцены и торжественная риторика перекликались с пышными празднествами, устроенными в 1950-е годы в разных регионах СССР в честь юбилеев добровольного вхождения местных народов в состав России. Можно сказать, что писатели проецировали в прошлое возникшие в то время формы коммеморации «добровольного вхождения», изображая присоединение к России в духе господствовавшей тогда риторики, прославлявшей дружбу народов и великую миссию России и русских по отношению к народам Сибири.

Позитивные последствия

В рассматриваемых произведениях после вхождения в состав Российского государства в жизни коренных народов происходят многочисленные положитель-

ные изменения. Изменения происходят в хозяйственно-бытовой деятельности народов Сибири: русские учат их ухаживать за землей, выращивать зерновые культуры, строить деревянные избы; в культуре – открытие школ, обучение грамоте, русскому языку; и в более глобальных сферах – социальной, политической, экономической – переход на оседлый образ жизни, компактное расселение в новых поселениях, внедрение стабильной системы управления обществом, медицины.

В романе «Путь праведный» показано, как по мере налаживания отношений с русскими, жизнь бурят меняется к лучшему. Русский лекарь Михаила лечит бурят. В остроге буряты покупают русские товары. Они начинают сеять хлеб и строить русские дома, заготавливать сено (подчеркивается, что русский образ жизни лучше и комфортнее, выгоднее, чем традиционный бурятский). Казак Василий Булавин учит бурят обращаться с ружьем – дает им средство для борьбы с врагами.

Положительные итоги вхождения алтайцев в состав Российской империи спустя 70–80 лет (примерно в 1840-е гг.) подводит в глубокой старости главный герой романа «Трудные годы» Карчага. В последней главе «Новые села, новые люди» Карчага вспоминает, какими были первые русские переселенцы, размышляет о том, какие блага принесла русская цивилизация: они научили алтайцев выращивать ячмень, сажать картофель, строить избы («Теперь в Чаргы-Оозы образовалось русско-алтайское селение, алтайцы живут в теплых и чистых домах, учат русский язык, их дети будут знать грамоту, стали употреблять в пищу хлеб, картофель, пшено» [13, с. 238]), планируется открытие школ.

Для исследуемых текстов, написанных в традициях советской модерности, характерно наделение материальных и нематериальных категорий культуры и быта темпоральными характеристиками, где уклад жизни коренных народов отождествляется со стариной, архаичностью и оценивается как неэффективный, примитивный образ жизни, а проникновение новой, по сути – чуждой для местных народов культуры и правил обустройства экономической, социальной, политической жизни характеризуется качественностью, полезностью. В данных произведениях показано, как новые технологии и в целом новый тип хозяйствования улучшили жизнь коренных народов после вхождения в состав Российского государства. В поэме Х. Намсараева некогда «бедная и забытая родина» стала благодатной, изобильной, что проявляется именно в признаках новой хозяйственной деятельности, выстроенной по русскому образцу:

Русский буряту помог, а была
Родина наша бедна и забыта.
Плуг свой первый справил бурят,
Поле оделось золотом жита.
Стали рубить и буряты дома,
Свежей запахло сосновою стружкой,
В стужу хвалили свой «русский дом».
Весело строились друг за дружкой.
Косы в степи отсверкали звеня.
Копнам душистым хватит простору! —
Значит, копам и скоту не хиреть
Злобной зимой, в голодную нору.
Там, где терялись, как в поле слепцы.
Темные юрты в пространствах широких,
Вольно дорога легла для телег
Вместо тропы верховых одиноких [9, с. 7].

Земледелие вообще часто фигурирует в литературе народов Сибири как маркер благосостояния, связанный с положительным влиянием русских. Так, например,

говорится об этом в поэме бурятского автора Николая Дамдинова «Возвращение батыра. Песня про Шилдэя Занги» (*Шэлдэй занги тухай дуун*, 1965):

Приметил Шилдэй однажды, как русские

Сеют хлеб.

И понял он дела смысл, и стал

Подражать русским.

Окрепло его хозяйство,

И, значит, народ окреп [18, с. 200].

В литературе народов Сибири советского периода существуют целые стихотворения, посвященные прославлению позитивного влияния России и русских на судьбу коренных народов. Яркими примерами таких произведений являются стихотворение бурятского поэта Гунги Чимитова «Русскому народу» (*Ород арадтаа*, 1973) и одноименное стихотворения якутского автора Элэя (Серафима Кулачикова) «*Нуучча норуотугар*» (1987). В этих текстах перечисляется весь ряд положительных последствий взаимодействия коренных народов с русскими, которые фигурировали в советском дискурсе, начиная с защиты от внешних врагов и прогрессивного влияния на хозяйство и заканчивая обучением русскому языку и приобщением к мировой культуре, вершинным достижением которой преподносится творчество русских классиков: «Творения Александра Пушкина – // Это песня, которую поют якуты» [19, с. 8]. Все лучшее, что случилось в истории коренных народов, провозглашается заслугой русских – «храброго, дружелюбного, добродушного, мудрого русского народа» [20, с. 65], «народа-героя, народа-титана» [19, с. 8].

Мотив бескорыстных благодеяний русского народа по отношению к народам Сибири здесь можно рассматривать как проявление «риторики спасения», в рамках которой Российское государство представляется «спасителем» коренных народов от их «темного прошлого»: «представление о счастливом настоящем, достигнутом в борьбе с «болезненным» прошлым, поддерживает линейное представление об истории» [21, с. 125]. Яркую иллюстрацию этой идеи находим в поэме М. Баинова:

По многотравью степному

Спаситель русский зашагал.

Бесчестью, словно сну дурному,

И бедствиям — конец настал [10, с. 26].

Образ «народа-спасителя» может персонализироваться и в конкретном персонаже. Например, в финале пьесы М. Кильчичакова «Ожившие камни» казак Ивашка обещает маленькому сыну своего погибшего хакасского побратима одарить его всеми благами, которые может дать хакасам русский народ:

Здравствуй, малыш! Вот подрастешь немного,

Поднимутся в степи у нас деревни,

Тебя пахать и сеять научу...

<...>

Вот вырастет здесь русское селенье,

Мы назовем его «Красно-Туранским»

В честь нашей дружбы — русских и хакасов.

И будем рядом жить мы, словно братья.

Читать, писать тебя я научу [12, с. 213].

Наивысшим благом, которое обрели народы Сибири в связи с вхождением в состав Российского государства, считается открытие дороги к «светлому будущему», связанному с грядущей революцией и построением нового коммунистического общества. А. Фокин, изучая инструментализацию времени в СССР, отмечает важность концепции «светлого будущего» в сознании советского

человека: «Советский человек находился в рамках мифологической системы, которая делила время на три части: светлое будущее всего человечества – коммунизм; настоящее, которое призвано воплотить в действительность коммунизм; прошлое, логика развития которого предполагала возможность перехода из настоящего к ожидаемому будущему – коммунизму. Для обеспечения нужной логики развития прошлого в советской действительности имела особая концепция отбора и интерпретации фактов, которая выдавала необходимый образ прошлого» [22, с. 145–146]. Этот подход к осмыслению исторического процесса находит отражение в произведениях о дореволюционном прошлом коренных народов, написанных в советский период – все, что происходило в их прошлом, и особенно добровольное вхождение в состав Российского государства, было единственно верным, судьбоносным выбором, ведь так они проложили себе дорогу к Октябрьской революции, после которой начнется строительство социалистического общества, а затем и прекрасная жизнь при коммунизме. И революция рассматривается в этом нарративе как очередной этап развития «дружбы народов» и братской помощи русских другим народам страны:

Бережно русский повел за собой
Братьев меньших по дороге величья, –
Будь то якут, иль бурят, иль эвенк, –
Ближних и дальних, всех без различья [9, с. 8].

Заключение

Можно заключить, что изображение национального прошлого в литературе народов Сибири 1940–1980-х гг. было продиктовано государственной политикой памяти, и в частности – концепцией «дружбы народов», согласно которой народы Сибири изначально вступили в дружбу с русскими и добровольно вошли в состав Российского государства, что имело исключительно положительные последствия для их исторической судьбы.

В художественных текстах конструировался исторический нарратив, соотносящийся с государственной риторикой и научными трудами того периода. В его основе лежит идея прогресса, общего пути к «светлому будущему», по которому идут все народы. Центральное место в этом нарративе занимает присоединение к России – поворотный момент национальной истории, который можно назвать мифом основания. Дороссийское прошлое изображалось как темное и безрадостное время, когда народы Сибири находились за границами цивилизованного мира и были исключены из всеобщего движения к прогрессу. Присоединение к России показано как обретение добрых и самоотверженных друзей в лице русского народа и Российского государства, которые берут коренные народы под свое покровительство и открывают им дорогу к лучшему будущему. Время после присоединения к России представляется как период перманентного улучшения жизни под влиянием многочисленных благ цивилизации, принесенных русским народом – новых способов ведения хозяйства, медицины и образования, культуры и искусства. Конечной точкой этого движения мыслится революция и построение справедливого коммунистического общества, которое было бы невозможно для этих народов без объединения с Россией.

Несмотря на метафоры дружбы, братства и семьи, которые устойчиво используются для изображения отношений народов Сибири с Россией и русскими, нельзя не заметить, что в данном историческом нарративе присутствует иерархический взгляд на отношения между государством и его народами, которым отводятся неравные роли в историческом процессе. Россия мыслится средоточием цивилизации и прогресса, а русский народ предстает главным

носителем всех ее достижений. В то же время народы Сибири изображаются как изначально находящиеся за пределами цивилизованного пространства, и единственно возможным способом приобщиться к мировой цивилизации и прогрессу для них оказывается заключение союза с русскими на правах «младших братьев». Такая перспектива изображения прошлого нерусских народов поддерживали идею их неразрывной связи с государством, за пределами которого для них не могло мыслиться никакого счастливого будущего и национального развития.

Л и т е р а т у р а

1. Исаков А.В., Модорова А.П. Тема присоединения к России в литературе народов Сибири 1950–1980-х гг. *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова*. 2024;21(2):124-136.
2. Дубровский А.М. *Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.)*. Брянск: Изд-во Брянского госуниверситета им. акад. И.Г. Петровского; 2005:800.
3. Tillet L. *The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1969:468.
4. Багиров М.Д. Старший брат в семье советских народов. *Коммунист*. 1953;3:64-88.
5. Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. Москва: Новый Хронограф; 2021:576.
6. Малинова О.Ю. Неудобный юбилей: Итоги переосмысления «мифа основания» СССР в официальном историческом нарративе РФ. *Политическая наука*. 2017;(3):13-40.
7. Schöppflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths. *Myths and Nationhood*. New York: Routledge; 1997:36-59.
8. Spurr D. *The rhetoric of empire. Colonial discourse in journalism, travel writing, and imperial administration*. Durham, London: Duke University Press; 1993:224.
9. Намсараев Х. Сказание о великой дружбе. *Свет над Байкалом*. 1955;(2):5-9.
10. Баинов М.Р. *Я пришел к тебе*. Москва: Советский писатель; 1966:54.
11. Адаров А. *Кочевники*. Москва: Советский писатель; 1969:88.
12. Кильчичаков М.Е. *Ожившие камни*. Москва: Современник; 1983:222.
13. Шодоев И.В. *Кызаланду жылдар [Трудные годы]*. Горно-Алтайск: Алтай бичиктер чыгарар издательствозынын Туулу Алтайдагы бөлүги; 1984:198. (На алт. яз.).
14. Гоголев И. Серебряное стремя. *Полярная звезда*. 1974;(1):7-86.
15. Балдано Н.Г. *Избранное: Пьесы*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство; 1973:368.
16. Санжин Б.С. *Путь праведный*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство; 1986:272.
17. Балдано Н. *Бабжа-Барас баатар [Бабжа-Барас-батыр]*. Улан-Удэ: Бурят-Монголой гүрэнэй номой хэблэл; 1943:72. (На бурят. яз.).
18. Дамдинов Н.Г. *Избранное*. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство; 1976:395.
19. Элэй. Нуучча норуутугар [Русскому народу]. *Хотугу сулус*. 1987;(6):8. (На якут. яз.).
20. Чимитов Г. Ород арадтаа [Русскому народу]. *Байгал*. 1973;(3):65. (На бурят. яз.).
21. Четырова Л.Б., Сахаров А.С. Модерность и трансформация риторики спасения. *Вестник КалмГУ*. 2022;54(2) (54):120-126.
22. Фокин А.А. Роль периодики в формировании представлений о коммунистическом будущем в СССР накануне XXII съезда КПСС (на материалах журнала «Коммунист»). *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2007;1(1):139-146.

References

1. Isakov AV, Modorova AP. The theme of joining Russia in the literature of the peoples of Siberia in the 1950s–1980s. *Vestnik of NEFU*. 2024;21(2):124-136 (in Russian).
2. Dubrovsky AM. *Historian and Power: Historical Science in the USSR and the Concept of the History of Feudal Russia in the Context of Politics and Ideology (1930s–1950s)*. Bryansk: Publishing House of Bryansk State University; 2005:800 (in Russian).
3. Tillett L. The Great Friendship: Soviet Historians on the non-Russian Nationalities. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 1969:468 (in English).
4. Bagirov MD. The elder brother in the family of Soviet nations. *Kommunist*. 1953;(3):64-88 (in Russian).
5. The Soviet National Project in the 1920s and 1940s: ideology and practice. Moscow: Publishing House “Novyi Khronograf”; 2021 (in Russian).
6. Malinova OYu. Inconvenient anniversary: Results of rethinking the “founding myth” of the USSR in the official historical narrative of the Russian Federation. *Political Science*. 2017;(3):13-40 (in Russian).
7. Schöppflin G. The functions of myth and a taxonomy of myths. *Myths and Nationhood*. New York: Routledge; 1997:36-59 (in English).
8. Spurr D. *The rhetoric of empire. Colonial discourse in journalism, travel writing, and imperial administration*. Durham, London: Duke University Press; 1993:224 (in English).
9. Namsaraev Kh. The legend of Great Friendship. *Svet nad Baikalom*. 1955;(2):5-9 (in Russian).
10. Bainov MR. *I came to you*. Moscow: Publishing House “Soviet Writer”; 1966:54 (in Russian).
11. Adarov A. *Nomads*. Moscow: Publishing House “Soviet Writer”; 1969:88 (in Russian).
12. Kilchichakov ME. *Revived stones*. Moscow: Sovremennik; 1983:222 (in Russian).
13. Shodoev IV. *Tough years*. Gorno-Altai: Altai branch of the Altai Book Publishing House; 1984:198 (in Altai).
14. Gogolev I. Silver stirrup. *Polar Star*. 1974;(1):7-86 (in Russian).
15. Baldano NG. *Selected works: Plays*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1973:368 (in Russian).
16. Sanzhin BS. *The Righteous Path*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1986:272 (in Russian).
17. Baldano N. *Babzha-Baras baatar [Babzha-Baras the Hero]*. Ulan-Ude: Buryat-Mongol State Publishing House; 1943:72 (in Buryat).
18. Damdinov NG. *Selected works*. Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House; 1976:395 (in Russian).
19. Ellei. To the Russian people. *Khotugu sulus*. 1987;(6):8 (in Yakut).
20. Chimitov G. To the Russian people. *Baigal*. 1973;(3):65 (in Buryat).
21. Chetyrova LB, Sakharov AS. Modernity and the transformation of salvation rhetoric. *Vestnik of Kalmyk University*. 2022;54(2):120-126 (in Russian).
22. Fokin AA. The role of periodicals in the formation of perceptions about the Communistic future in the USSR at the eve of the 22nd Union of the CPSU (based on the materials from the journal “Kommunist”). *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2007;1(1):139-146 (in Russian).

Сведения об авторах

ИСАКОВ Александр Викторович – м. н. с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3416-9683, e-mail: alexandr_isakov98@vk.com

МОДОРОВА Ай-Тана Павловна – м. н. с., Научно-исследовательский институт алтаистики им. С. С. Суразакова, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0009-1871-9973, e-mail: aitanamood@gmail.com

About the authors

Alexander V. ISAKOV – Junior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3416-9683, e-mail: alexandr_isakov98@vk.com

Ai-Tana P. MODOROVA – Junior Researcher, S. S. Surazakov Research Institute of Altai Studies, Gorno-Altaysk, Russian Federation, ORCID: 0009-0009-1871-9973, e-mail: aitanamood@gmail.com

Вклад авторов

Исаков А. В. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Модорова А. П. – разработка концепции, методология, проведение исследования, создание черновика рукописи, редактирование рукописи

Authors' contribution

Alexander V. Isakov – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing

Ai-Tana P. Modorova – conceptualization, methodology, investigation, writing – original draft, writing – review & editing

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 27.06.25

Принята к публикации / Accepted 24.07.25